

Часть первая

«Белые и черные пятна» в подпольной войне

Кто вы, доктор Рёсслер?

(Самые нестандартные операции Второй мировой войны)

Кончился рабочий день во Дворце Наций, и здание Отделения ООН в Женеве постепенно пустело. Мы не спеша шли к подъезду № 6, боковому выходу из Дворца, где журналисты парковали свои машины. На ступеньках было приятно постоять, красное яблоко солнца над Женевским озером мягко освещало столетние ливанские кедры, влажный ветерок дополнял иллюзию, что вы оказались где-то в Средиземноморье. Навстречу нам спешил все тот же «бабочка» (такое дружеское прозвище получил швейцарский журналист, знаток истории спецслужб, постоянно носивший галстук-бабочку).

- Привет, куда так спешишь, все уже ушли, – заулыбался я.
- Надо передать срочный материал. Пока-пока...
- Давай завтра, в пять часов, в баре прессы, пока-пока, – и «бабочка» ринулся в здание.

По холмистой тропинке мы с друзьями спускаемся в сад, проходим мимо зарослей кустарника, приветственно машем сторожу в голубой ооновской форме и выходим на улицу Лозанна. Это ее окончание, вернее, здесь она вливается в загородное шоссе на выезде из Женевы. Впереди – шестиэтажный куб дома 113, улица Лозанна. Здесь на пятом этаже Шандор Радо снял квартиру: две спальни, одна – для двух мальчиков и бабушки, другая – себе и жене Лене, гостиная, кабинет и маленькая комната для прислуги. Из гостиной открывался изумительный вид на Женевское озеро, а в хорошие дни был виден даже Монблан. В баре прессы Лиги Наций шутили, что шапка облаков на Монблане напоминает голову Маркса, чем изрядно позабавили Шандора Радо.

В редкие свободные часы семья прогуливалась в соседнем парке «Мон репо». Все обращали внимание на роскошные во-

лосы супруги, но никто и представить не мог, что в них, соорудив замысловатую прическу, она провезла когда-то через границу большую сумму денег, что позволило «тройке» работать какое-то время без курьеров из Центра.

...Пять часов дня. Привычный столик в углу бара, традиционный чайник – словом, английский «файф-о-клок». «Бабочка» машет от входа и занимает место за столиком, ставя на свободное кресло кейс. Затем вынимает машинописные рукописи, на верхнем листе – прищипленная фломастерная пометка: «Отвергнуто редакцией – по не профилю наших материалов».

– Редакция отвергла мое расследование, – с сожалением произносит он, – я решил, пусть достанется тебе, чем бросать в корзину..

Рукопись переведена, немного приспособлена для нашего читателя, но ничего не менялось по существу. Интересно узнать точку зрения далекого швейцарского журналиста-расследователя, размышления которого могут и не совпадать с мнением многих специалистов, которые занимаются делами «Красной тройки» в Женеве.

Итак, слово анонимному журналисту из Женевы.

Швейцария времен Второй мировой войны еще ждет своего въедливого исследователя, – начинает неизвестный аноним из далекой Женевы. – К сожалению, в моем распоряжении только швейцарские и западные источники, материалы из Москвы по-прежнему недоступны. Впрочем, швейцарские архивы, так же как британские, французские и архивы московского Генштаба по «делу женеvских антифашистов», наглухо закрыты.

Нейтральная страна – остров в бушующем океане войны, естественное прибежище разведок под зонтиком посольств, а у кого не было посольства, те находились просто на нелегальном положении. Возникает вопрос: почему Гитлер не оккупировал Швейцарию? Это – отдельная тема, и не последнее соображение – немцы могли бы застрять в горах, швейцарцы были полны решимости драться до последнего солдата и патрона. (Впрочем, роясь в архивах, мой неназванный собеседник натолкнулся на любопытные цифры: по оценкам швейцарских властей, во время Второй мировой войны на территории страны «работали» несколько тысяч германских агентов. К ним, прежде всего, относилась «пятая колонна» – швейцарские поклонники фюрера, жившие на территории от Базеля до озера

Констанц. Они сообщали все, что считали нужным, германской разведке. Было установлено, что на нацистов на этом участке работают 206 завербованных немцами швейцарцев. Дальше — больше: 33 из них были схвачены и приговорены к расстрелу, 17 приговоров были приведены в исполнение, и это в стране, где еще в 1927 году последний кантон отменил смертную казнь. Впрочем, есть и другой аспект: в Берлине до сих пор сохранилось здание, где во время Второй мировой войны находилось представительство швейцарских торговцев. Бомбили Берлин союзники серьезно, но, видимо, судьба оберегала нейтрала, ни одна союзная бомба не затронула его, и сейчас экскурсоводы показывают туристам эту сохранившуюся достопримечательность военного времени.)

Швейцарский журналист, явно отвлекаясь от темы, напоминает, что нацисты реализовали дьявольский план: подорвать английскую валюту через нейтральные страны. Гиммлер использовал информацию о том, что британские банки, несмотря на войну, поддерживали самые активные финансовые отношения с банками Швейцарии, Швеции, Испании, Португалии и Турции. Таким образом, возник план — наводнить банки нейтральных стран фальшивыми фунтами стерлингов, но претворить его немцы смогли только в 1942 году, когда майор Бернгард Крюгер возглавил эту операцию. Фашистский «гознак» своими силами не смог наладить выпуск фальшивых купюр, поэтому Крюгер собрал со всей оккупированной Европы в лагере Заксенхаузе квалифицированный персонал фальшивомонетчиков и соответствующее оборудование. В дальнейшем ээсовцы окрестили эти действия «операцией Бернгарда». Группа располагалась в изолированном блоке 19 концентрационного лагеря, блок охраняли головорезы из дивизии «Мертвая голова». К этому времени немецкие специалисты все же нашли секрет бумаги, на которой печатали фунты. Поток фальшивой английской валюты устремился в Европу. Крюгер первым делом направил образцы фальшивок в немецкие посольства в нейтральных странах, поставив конкретную цель — внедрение в местные банки. Операция удалась, банки без каких-либо подозрений приняли банкноты. Гиммлер торжествовал. Эти образцы отнесли в группу № 1 (выплаты за границей шпионам, диверсантам: 300 тысяч фальшивых фунтов было выплачено агенту «Цицерону», камердинеру британского посла в Анкаре

за документы из посольского сейфа), вторую группу с легкими нарушениями передали в гестапо для работы в оккупированных странах и третью оставили на всякий пожарный случай. Поддельные фунты стерлингов обменивались на золото, драгоценности и валюту, имевшую хождение на мировом рынке. Количество выпущенных немцами фальшивых фунтов составило около 40 процентов от всех денежных знаков, находившихся в обращении до начала Второй мировой войны. Кроме Швейцарии, операции по сбыту фальшивок проводились в Америке, Африке, Азии и Австралии; в Европе — в Андорре, Бельгии, Дании, Франции, Греции, Ирландии, Италии, Югославии, Лихтенштейне, Монако, Нидерландах, Норвегии, Португалии, Швеции, Словакии, Испании, Турции и Венгрии.

Как работала немецкая схема? Типичный пример — операции между банками нейтральных стран и перевод в конце концов в британские банки. Так, швейцарский бизнесмен, будучи в Турции, получил в английских фунтах эквивалент суммы 250 тысяч долларов, перебросил их в швейцарский банк, расплачивался по сделкам в Швейцарии, затем фунты стерлингов оказались на Британских островах, и специалисты определили, что они фальшивые. Отто Скорцени, разыскивая в 1943 году похищенного Муссолини, расплачивался с информаторами фальшивыми фунтами, израсходовав 50 тысяч фальшивых купюр.

Позднее было подсчитано, что гитлеровцы изготовили около 140 миллионов фальшивых фунтов. 7,5 миллиона фунтов для оплаты заказов Рейха в нейтральных странах — Швейцарии, Швеции, Испании, Португалии; 3 миллиона — для распространения во Франции, Бельгии и Нидерландах; 1,5 миллиона фунтов стерлингов — для Турции и Ближнего Востока.

«Операция Бернгард» получила особый размах в 1943 году, когда в больших объемах на территорию Великобритании стали забрасываться фальшивые купюры из Цюриха, Лиссабона, Стокгольма. Стандартные партии были в упаковках по десять тысяч фунтов, отдельные — больше. Распространялись они засланными заранее группами немецких нелегалов. В 1943 году англичане арестовали в окрестностях Эдинбурга германского диверсанта. Его выбросили на шотландское побережье гидросамолетом, а по рекам он добрался до Эдинбурга на пневматической лодке. Его багаж состоял целиком из фальшивых денег. Тогда англичане окончательно осознали, что гитлеровцы раз-

вернули еще один фронт — выпуск фальшивых фунтов для подрыва британской экономики и роли фунта стерлингов как резервной валюты мира. После войны англичане осуществили денежную реформу, изъяв гитлеровский фальшак.

Вдохновленный удачей, Крюгер приступил к выполнению более амбициозного плана — запуску фальшивых долларов. Но с самого начала операции немцы столкнулись с непреодолимыми трудностями — не смогли подобрать нужную бумагу. Как ни бились на лучших фабриках, подключили ученых, все равно получался всего лишь эрзац доллара. Заключенные блока 19 к тому же не смогли воспроизвести очень сложный рисунок купюры и подобрать необходимые чернила. Вновь Крюгер стал искать фальшивомонетчика, теперь уже специалиста по фальшивому изготовлению доллара. Гестапо в конце концов арестовало некоего Смолянинова, он раньше «баловался» фальшивыми долларами, его «продукцией» даже заинтересовались секретные службы США. В блоке 19 Смолянинов в конце 1944 года наконец сумел получить 50-долларовый экземпляр и позднее — фальшивые 100 долларов. Специалисты Рейха дали «добро» на печатание и распространение крупных партий фальшивой американской валюты.

Но союзники уже бомбили окрестности лагеря Заксенхаузена, и Гиммлер махнул рукой на фальшивые доллары, приказал закрыть блок 19, уничтожить всю аппаратуру и заключенных. Но Крюгер не хотел прекращать операцию, добился от Гимmlера разрешения перевести производство в австрийские Альпы. Подготовка переезда заняла несколько месяцев, и только в апреле 1945 года все было готово: в подземной галерее 16 (длина в 60 метров, вход через глубокую шахту), близ горной деревушки Редл-Ципф, установили оборудование, перевезли группу Смолянинова. Но развернуть работу она не смогла, подошли американские войска, и Гиммлер приказал уничтожить все следы «операции Бернгард», матрицы утопить в озере Топлиц, а заключенных перевести в концентрационный лагерь Эбензее. Крюгер сбежал, часть «продукции» исчезла из сейфов, Крюгера так и не нашли, хотя полиция нескольких стран разыскивала его. Сейфы с деньгами погрузили на грузовики и во исполнение приказа пытались спрятать их так, чтобы потом можно было легко найти. В спешке несколько сейфов обронили, при ударе о скалы замки раскрылись, и горный ветер разметал фальшивые деньги, жители с радостью подбирали

остатки. Потом этим занялись профессионально солдаты союзников, они сумели собрать 62 миллиона фунтов. Кстати, поиски продолжались и позднее, в июле 1959 года подняли со дна озера Топлиц большое количество матриц и другого оборудования...

Но вернемся к швейцарской версии событий прошлого. Самыми активными, продолжает женеvский коллега, в Швейцарии были Лондон и Москва, военные союзники. Британские разведчики были прикрыты дипломатическим иммунитетом в Берне, разведывательную группу возглавлял граф Ванден Хевел (женский псевдоним «Фанни»), его заместитель – Андрю Кинг. Отделения были в Цюрихе – Эрик Гант Кейбл и в Женеве – Виктор Фаррелл, прикрытый консульской должностью. У него была самостоятельная связь с Лондоном, передатчик находился на территории консульства, к тому же Фаррелл мог передавать сообщения и в Берн. Более комфортные условия вряд ли можно было создать, учитывая то, как мучились русские со связью. Ведь, как ни говори, а связь, пожалуй, самое главное для разведчика. Пачки информации превращаются в мусор, если вовремя не лягут на стол. Подумать только, русские передатчики не меняли волны два последних года. По требованию Москвы радисты «горбились» за ключом каждый день, и сеанс длился от двух до шести часов непрерывно. Все понимали и в Москве, и в Женеве: русские разведчики работают на провал, но Генеральный штаб требовал ответа на свои вопросы немедленно.

Итак, в самом трудном положении оказались русские: у Москвы с Берном не было дипломатических отношений. Что ж, это не препятствие, уже в начале 20-х годов в Швейцарии советская разведка активно работает, а перед самой войной из «Женеvы вызывали Москву» уже три нелегальные резидентуры. Весной 1936 года захавший в Париж Шандор Радо обратился к швейцарским властям за разрешением открыть акционерное общество «Гео-Пресс» в Женеве, до этого Радо обращался с аналогичной просьбой к бельгийцам, те отказали в аккредитации. (Представляете, как бы сложилась судьба «Доры» и его группы, если бы нелегалы оказались в оккупированном Брюсселе?)

Швейцарцы оказались толерантнее, и в мае венгр получил разрешение и вид на жительство. Сначала Радо был рядовым сотрудником, обживался в женеvском Дворце Наций, ездил по

Европе, выполняя разовые поручения, словом, набирался опыта. Его начальник Анулов («Коля») — отличный танкист, лихо ездивший на машине, как вспоминает о нем Радо, — в апреле 1938 года отзывается в Москву, и тогда Радо становится «Дорой», и ему передают на связь группу швейцарского антифашиста Отто Пюнтера («Пакбо»).

По данным некоторых российских историков разведок, Отто Пюнтер был специально подставлен «Коле» швейцарцами, чтобы получать информацию о событиях в Испании. Сотрудничество швейцарского антифашиста, когда началась Вторая мировая война, естественно переросла в «тайную войну» против нацизма, что было в интересах Берна и Москвы. В этом случае, если это правда, швейцарцы знали о связи Пюнтера («Пакбо») с «Дорой».

Обстановка становится напряженнее, и Москва через курьера в Париже передает «Доре» шифровку: «Дорогая Дора! В связи с общей обстановкой, которая Вам вполне ясна, я ставлю перед Вами задачу самого энергичного развертывания нашей работы с максимальным использованием всех имеющихся в Вашем распоряжении возможностей. Всемерно усильте работу с Пакбо для получения военной информации и привлечения интересных для нас лиц. Сконцентрируйте внимание Пакбо прежде всего на Германии, Австрии и Италии...»

Итак, связи, источники, источники... Но война, обрушившаяся на Европу 1 сентября 1939 года, наглухо закрыла границы Швейцарии. Власти отгородились пограничным частоколом, нейтралитет — это никаких (в теории) связей с воюющими. У «Доры» был радиопередатчик, но не было радиста, не успели прислать. Тогда Москва решает, чтобы другая нелегальная группа «Соня» (Урсула Кучински) должна посылать сообщения «Доры» через передатчик «Сони».

«Маленький венгр», как его называли во Дворце Наций, вертелся как белка в колесе: у группы на связи было 77 агентов. Но давайте, как говорит английская пословица, «сделаем из длинной истории короткую»: сосредоточимся на загадке одного из самых, пожалуй, эффективных информаторов русского генерального штаба «Люци», немца Рудольфа Рёсслера, скромного владельца издательства «Вита Нова» в Люцерне. Историки называют его одним из лучших агентов Второй мировой войны. Уроженец провинциального немецкого городка Кауфбойрен, он добровольно пошел на фронт в Первую мировую, но угар

патриотизма быстро выветрился, и он отходит от политики, в 30-х годах много пишет театральной критики, даже создает Народный театральный союз в Берлине. Восхищенный глубиной статей Рёсслера о театре, швейцарский студент Ксавье Шниппер через своего профессора в Берлинском университете познакомился с необычным немцем. Первая встреча состоялась в 1933 году, когда Гитлер пришел к власти. Рёсслер активно посещал престижный «Херрен клуб», любимое место офицеров германской армии. Оттуда у него широкие знакомства с высшим генералитетом вермахта.

Историки говорят об интеллектуальной совместимости, глубоком понимании немца и его швейцарского друга, который был на 12 лет моложе... Словом, дружба с первого взгляда. 36-летний Рёсслер был заядлым курильщиком, несмотря на астму, курил беспрестанно. Жил, как смеялись друзья, на кофе и сигаретах. Невысокий, лысоватый, толстые стекла очков, худоба и в целом невзрачный вид поразили Шниппера. Рёсслер был старше жены. Ольга, приветливая и привлекательная домохозяйка, была также родом из одного с ним немецкого городка. Она не принимала никакого участия ни в политической, ни в разведывательной работе мужа.

Друзья много дискутировали, спорили о политике. Шниппер был марксистом, Рёсслер, как его называл швейцарец, прогрессивный консерватор (или консервативный прогрессист), германский патриот и протестант, глубоко переживал то, что случилось с его страной. Священник-иезуит Отто Карер так отзывался о нем: «Его любовь к Германии превратила его в фанатичного противника Гитлера». Он нашел дело, за которое готов был отдать жизнь.

Гитлеровцы маршируют по городам Германии. Рёсслер (оставшийся без средств к существованию, нацисты конфисковали его театральный бизнес) с помощью Шниппера переезжает с Ольгой в Швейцарию, покупает небольшую виллу на окраине Люцерна. Он не может жить без работы, собирает деньги и открывает небольшое антифашистское книжное издательство «Вита Нова» («Новая жизнь»). Издает труды русского философа Бердяева (он был его любимым мыслителем), европейских гуманистов в противовес нацистскому мракобесию. В 1936 году начинает выпускать журнал «Решение», где печатаются левые католики, его друг Шниппер и он сам под псевдонимом «Арбайтер». Эмигранты, левые швейцарцы встречаются в люцер-

новском «Кафе дю Готтард», где за чашкой кофе и бокалом вина нескончаемые споры, какой же быть новой жизни, новой Европе.

Гитлеровцы уже маршируют по Европе. Рёсслер пишет политические статьи с анализом военной мощи Германии, направлений будущих ударов. Его талант аналитика, умение связывать факты десятилетней давности с современностью, парадоксальные порой выводы поражают Шниппера. И в один из августовских дней 1939 года он (напомним, что это швейцарская версия) с энтузиазмом рассказывает ему, что вчера у него в гостях были два друга, занимающие высокие посты в Германии и думающие так же, как он, но из консервативных кругов. Они заявили Рёсслеру, что будут информировать обо всем важном, рассказывать о деталях, а он волен делать с этой информацией, все, что, как он думает, будет полезно для будущей Германии. Похоже на фантазию? Может быть, но после войны было установлено, что генерал Фриц Тиль, который возглавлял шифровальный отдел в главнокомандовании сухопутных войск вермахта, второй человек в службе связи немецкой армии, отвечал в случае необходимости по радио на запросы своего связного в Люцерне.

Вот здесь по-настоящему начинается швейцарская версия. В Швейцарии все становится солидным, если за дело берутся бизнесмены. В 30-х годах, когда усилилась военная угроза оккупации, некий Ханс Хаусеманн («фото и оптическое оборудование») из кантона Аппенцель отдал три комнаты в своем доме для частной военной разведки. Так появилось «бюро Ха». Оригинально, да, но по-швейцарски. Министерство обороны не препятствовало сбору бизнесменами информации о планах немцев по Швейцарии. В 1936 году швейцарское правительство опасалось, что немцы вторгнутся в страну, ибо в Давосе студент медицинского факультета, сын югославского раввина, убил лидера швейцарских фашистов Вильгельма Гастлоффа. Гитлер закатил истерику, угрожал всеми карами швейцарцам. И тогда Ханс Хаусеманн успокоил: он добыл из сейфа Рудольфа Гесса, второго человека после Гитлера, копию секретного приказа 37/16, в котором говорилось, что никакого захвата Швейцарии не будет. А 1 сентября 1939 года Хансу Хаусеманну поступила телефонограмма: Федеральный совет объявил всеобщую мобилизацию, бизнесмену присваивается звание майора, и, естественно, он со своим «бюро Ха» поступает

в распоряжение швейцарских военных. К этому времени у «бюро Ха» было немало информаторов, некоторых Ханс Хаусеманн просил о содействии, другие сами предлагали услуги. Призвали в «бюро Ха» и Ксавье Шниппера, естественно вместе с ним оказался и Рудольф Рёсслер. Правда, его связи в Германии в «бюро Ха» оценивались невысоко, но неожиданно он вырос в глазах швейцарцев как аналитик, оценщик поступающей информации. Ну, например, германская армия заказала маскировочные халаты и лыжное снаряжение. Что это — подготовка к нападению на Швейцарию? Рёсслер проанализировал ситуацию, собрал дополнительные сведения и подвел итог: немцы изучают возможность участия в советско-финской войне. Работа немецкого эмигранта была настолько ценной, что ему выдали документ, где генштаб швейцарской армии предписывал всем госслужащим оказывать его предъявителю всяческое содействие, а агенты контрразведки взяли Рёсслера под круглосуточную охрану. Так продолжалось до 1944 года, когда после разгрома группы «Доры» швейцарцы арестовали и «Люци». (Шандор Радо в своем последнем известном интервью советским журналистам, ссылаясь на западные источники, указывает, что швейцарцы поставили в камеру «Люци» передатчик, и до конца войны «Люци» запрашивал у своих источников в Германии интересующую швейцарцев информацию.) «Люци» находился в швейцарской тюрьме до сентября 1944 года, затем его выпустили на поруки, а в 1945 году — новый суд. Судья на основании статьи 20 швейцарского уголовного кодекса посчитал, что «Люци» действовал в интересах государства, и поэтому он был освобожден в зале суда.

Но на этом загадка «Люци» не заканчивается. После войны Рёсслер попадает в трудное финансовое положение. Издательство разваливается, в 1949 году пытается издавать новый журнал «Экстемпоре» где печатаются независимые политики. Но журнал продержался только пять выпусков, швейцарцы закрыли его. Рёсслер с тревогой наблюдает за Германией Аденауэра, где бывшие фашисты поднимают голову. Как остановить их? Он умеет только одно — анализировать, давать рекомендации. Вполне естественно новое обращение к своему другу Шнипперу, тот напоминает о чехах, Карл Седлачек (бывший «Дядя Том», о нем позднее) стал атташе в чехословацкой дипломатической миссии в Берне. Установить контакты не составило никакого труда, и «Люци» снова делает вырезки, изучает прессу ФРГ, другие европейские источники, беседует с друзьями в Западной Германии и

пишет, пишет, теперь уже в Прагу. Но в 1948 году, после прихода коммунистов к власти, все контакты с разведкой Чехословакии прекращаются.

Через два года Шниппер посещает Прагу и устанавливает связь с реорганизованной разведкой, где с удовольствием согласны получать информацию от Рёсслера. Шниппер организует связь, он посылает микрофильмы в Прагу, а однажды совершает деловую поездку в Вену, где передает связнику непроявленную микроплёнку. Все было бы хорошо, но Прага не платит, и «Люци» после вежливого письма, в котором он подчеркивает, что его идеалы и принципы остаются неизменными, но ему надо на что-то жить, в 1951 году прекращает посылку микрофильмов в Прагу. Так прошло несколько месяцев, и 22 апреля 1952 года по почте из Берна было получено никем не подписанное письмо, в котором были квитанция, ключ от чемоданчика и краткая записка: «Отправьтесь и получите его. Это от вашего хорошего друга Конрада» (новый связник из Праги). В чемоданчике было три тысячи швейцарских франков. Так восстановилась связь, так начался новый этап работы. Изменилась только форма связи — микрофильмы пересылались в продуктовых посылках, этим занимался Шниппер. Гонорар за работу распределялся по-прежнему: 75–80 процентов — «Люци», остальное — Шнипперу.

Все было бы прекрасно, но в разведке, как известно, проваливаются на мелочах. Так случилось и с «Люци». Весной 1953 года Шниппер по делам срочно уехал из Люцерна, и «Люци» решил сам отправить посылку. Он купил два горшочка конфитюрного варенья, заложил в каждый микроплёнку и отправил по адресу: Йозеф Рудольф, Линденштрассе, 196, Дюссельдорф. Но что-то он напутал с опознавательными знаками, посылка вернулась в Цюрих, где на почте не могли найти отправителя Генриха Шварца, его просто не существовало. Два странных пакета оказались в швейцарской контрразведке, там изучили содержимое, нашли два микрофильма: один — об аэродромах НАТО в Западной Германии, другой — о переводе американских офицеров с корейским опытом в части, дислоцированные в Западной Германии. Расследование было недолгим, в марте 1953 года сотрудники БУПО надели наручники на Рёсслера и Шниппера. Швейцарское правительство не хотело предавать «Люци» суду, он убедил следователей, что никаких агентов и информаторов у него не было, только газетные вырезки (швейцарская полиция насчитала 20 тысяч таких вырезок и потом конфисковала досье) и их анализ. В швейцарской контр-

разведке подсчитали, что в Прагу за период с 1947 по 1953 год было, возможно, послано до 160 разведывательных сообщений.

Вокруг «люцернского дела» развернулась нешуточная возня: американцы и западные немцы требовали высылки Рёсслера в Западную Германию. 6 ноября 1953 года суд вынес вердикт: один год тюремного заключения за вычетом 242 дней, проведенных в предварительном заключении. Шниппер получил поменьше — девять месяцев за вычетом тех же 242 дней. Но главное — швейцарцы не захотели выдавать старого антифашиста, он остался в Швейцарии. Выйдя из тюрьмы, Рёсслер вел тихую жизнь в окрестностях Люцерна, занимался делами издательства, его изредка посещали Шниппер и немногие друзья. Он по-прежнему много курил, астма обострялась, и в октябре 1958 года астма dokonала его, он скончался во время приступа.

Похоронили «величайшую загадку Второй мировой войны» скромно, на маленьком кладбище в Кринце, в окрестностях Люцерна. Никаких почестей, без оркестра, только жена, старые друзья Шниппер и Майр фон Балдег (знакомый по театральной молодости и подпольной антифашистской борьбе в Швейцарии). Неотесанный камень на могиле и надпись: «Рудольф Рёсслер 1897–1958». Жена Ольга уехала в ФРГ, где поселилась в окрестностях Аугсбурга.

Так пролетела земная слава, все забыли, как он отвечал на лихорадочные запросы советского генерального штаба, как, поправляя толстые стекла очков, спешно записывал радиоответы из Германии, как судьба была несправедлива к нему, дважды загонявшая антифашиста в тюрьму, и никакого ордена, даже посмертно, никто из бывших союзников, разгромивших гитлеровскую Германию, не вручил ему... (Заметим в скобках, что «советские» все же оценили заслуги Шандора Радо, отсидевшего на Лубянке 10 лет, наградив в 1973 году 74-летнего разведчика орденом Отечественной войны 1-й степени.

— Но, — прервал я своего швейцарского оппонента, — дело с награждением все-таки было. После войны, к 20-летию Германской Демократической Республики, руководство советской военной разведки выступило с инициативой наградить группу немецких антифашистов, в том числе и «Люци», советским орденом и запросили Берлин. Там обсудили этот вопрос, и в отношении «Люци» было замечено, что тот «вел свой бой» на стороне антигитлеровской коалиции, но не в рядах немецких

антифашистов. В Берлине ничего не имеют против того, чтобы отметить честного человека советской наградой, но полагают, что руководство СССР должно самостоятельно решать этот вопрос. В числе награжденных «Люци» не было. Начальник разведки ГДР Вольф в своих последних мемуарах упомянул, что министр внутренних дел Мильке был категорически против «возвеличивания» Рудольфа Рёсслера.

— Британская версия, — продолжает рассуждать швейцарский журналист, — более колоритна, и в основе ее, по объяснению англичан, — две заботы Лондона. Первая — как зашифровать, чтобы никто не догадался, что англичанам удалось взломать коды немецкой шифровальной машины «Энигма»; и вторая — как быстро передать в Москву, чтобы русские поверили бы информации и пустили бы ее в дело. (— Британское обожание секретов и английская шпиономания, — улыбнулся мой швейцарский собеседник, — общеизвестна. Приведу недавний пример... с русским самоваром. Однажды, как свидетельствует газета «Дейли телеграф», британские спецслужбы проводили в королевском дворце очередную проверку. И почему-то в этот раз заподозрили самовар... в шпионаже. Он, богато украшенный уральскими самоцветами, был подарен командой советских летчиков. Королева часто демонстрировала его своим посетителям. Как пишет наш английский собрат, «жучок», возможно, находившийся в самоваре, мог собирать как детали переговоров королевы «с премьер-министрами и другими мировыми лидерами, так и частные беседы с членами королевской семьи». В общем самовар выдворили из дворца. — Но это так, на полях наших версий, — извиняется швейцарец.)

О том, что Гитлер начнет войну против советской России, англичане знали достоверно из материалов «Энигмы» еще в 1940 году (британцы разгадали германские коды в апреле 1940 года): зашифрованные приказы по вермахту не оставляли сомнения. Черчилль (операцию возвели в ранг ультрасекретной и назвали «Ультра») решил, что русских надо поставить в известность о планах нацистов, ведь в случае нападения Москва неизбежно станет союзником Лондона. Посол Криппс, министр иностранных дел Иден пытались убедить Сталина, что Гитлер — ненадежный союзник, что он коварно нападет на Россию. Они не блефуют, не пытаются посорить его с неожиданным германским «другом», что это — все правда, России

предстоит столкнуться с вероломством Гитлера. Но Сталин, по британской версии, якобы не верил, да и момент был выбран неудачный, Великобритания воюет с Германией, и все предупреждения англичан укладываются в простенькую схему: Черчилль, заядлый антисоветчик, который еще в 1919 году пытался сокрушить советскую Россию, снова хотел бы поссорить Сталина с Гитлером, втянуть в войну на стороне Англии. Англичане не могли сказать больше, не поставив под угрозу операцию «Ультра», предупреждение осталось без ответа. Зато запомнилось на Западе, что в день нападения немцев Черчилль сразу же, не теряя ни одного дня, вечером 22 июня 1941 года выступил по радио и поддержал Россию, предложил помощь и сотрудничество.

Английская версия – передавать материалы «Ультра» через Швейцарию, убеждает Лондон себя и других, проста и логично привлекательна. Сталин не верил Черчиллю, и эту подозрительность можно обойти, представив полезные для Красной армии разведанные как сообщения антифашистов германского вермахта.

Мензис, главный по разведывательному сообществу, по английской версии, еще до вторжения немцев в Россию получил от Черчилля указание найти способ передавать материалы «Ультра» русским, но ни в коем случае не раскрывая источника. У Мензиса было несколько вариантов. Первый – использовать польское сопротивление, небольшими порциями вперемежку с другими материалами передавать русским. Но существовала опасность, что русские все же догадались бы и распознали «британские уши». Тогда он задумался над другим вариантом: а почему бы не подпитывать «разведсеть Кремля» через Швейцарию. Дело в том, что англичане заранее, перед началом войны, как и русские, как уже говорилось, создали свою сеть в Швейцарии, надежно укрыв ее под зонтиком женевского консульства. Британский консул Виктор Фаррелл в Женеве стал по совместительству резидентом, у него был свой радиопередатчик, а консульство располагалось по соседству с Дворцом Наций, который он превратил в место встречи с агентурой. (Австрийка Лезер Бергер, сотрудница Фаррелла, контактировала с гражданским мужем «Сиси» (из сети «Доры») Паулем Бетхером, обменивалась с ним информацией по Балканам и не скрывала, что сотрудничает с англичанами). У «людей Фаррелла» были «рабочие» отношения с «Пакбо» (для англичан не было

секретом, что он работал на русских, а со своими, швейцарскими разведчиками «Пакбо» связывался через «Луизу» и Майра фон Балдегга), но главная «жемчужина» англичан — Интеллидженс Сервис якобы завлекла в свои сети Рашель Дюбендорфер («Сиси»), активную разведчицу, руководившую советской агентурой в МОТ, и об этой вербовке якобы знали немногие даже в самой британской разведке.

Английская версия сводится к тому, что «Сиси» купили за деньги, «Дора» и его группа хронически нуждалась в средствах, а доставлять их из Москвы в военное время практически было весьма затруднительно. А у «Сиси» на руках дочь Тамара, безработный любовник Пауль Бетхер и весьма символический вклад машинистки в МОТ.

Кроме того, считает швейцарский автор, английская версия укладывается в схему нестандартного поведения агентуры союзников во время Второй мировой войны. Если в Центре (в Москве, в Лондоне, например) строго соблюдали конспирацию и закрывали свою информацию от других, даже временных, союзников, то «внизу» относились к этому по-другому: идет война, мы союзники, поэтому нам не нужны искусственные барьеры. Поэтому-то во Дворце Наций всюду была налажена негласная торговля, обмен информацией, в общих чертах знали, кто на кого работает. Можно было бы ввести в шпионскую профессию новое понятие времен Второй мировой войны — «двойной агент на доверии»...

Так, «Сиси» стала работать и на англичан, утверждают английские источники. Второй фигурант — немецкий антифашист Рудольф Рёсслер, бежавший из Германии, который, чтобы закрепиться в Швейцарии, стал агентом «бюро Ха», возглавляемого Хансом Хаусеманном. На него вышли английские разведчики, применив нехитрую комбинацию. Сначала, когда тот обратился к британскому военному атташе в Берне с предложением услуг, отвергли его предложения, а затем, встретившись неофициально, предложили нелегально сотрудничать. Таким образом, появился второй участник игры «подарки Сталину». Швейцарцы знали и не возражали, что Рёсслер работает с Лондоном и Москвой, хотя, может быть, и не предполагали, в каком объеме.

Остановимся и проанализируем английскую версию. Что-то мне не нравится, все уж очень красиво и благородно. К тому же английские журналисты Энтони Рид и Дэвид Фишер в книге «Опе-

рация «Люци» (величайшая загадка Второй мировой войны)» открыто и примерно так же излагают ход событий. Для пущей достоверности они ссылаются на английские разведывательные источники.

Но, как гласит пословица «если не верно, то хорошо придумано». Можно предположить, что этот вариант придумали в Интеллидженс сервис, взяв за основу суд над «группой Радо в Москве» после войны, в 1946 году. Тогда Особое совещание при МГБ СССР обвинило Шандора Радо в том, что он, кроме всего прочего, британский агент и в его сети были двойники-агенты (в том числе «Люци»). «Сиси», которая в июне 1945 года нелегально покинула Швейцарию и добралась до Парижа, откуда ее самолетом доставили в Москву, попала к следователям с Лубянки, те обвинили ее и в предательстве, и в связях с английской разведкой. Эти обвинения базировались на том, что когда ее арестовали весной 1944 года в Швейцарии, она строила свою защиту, утверждая, что работала на Лондон. Ее защитник, симпатизирующий коммунистам (по версии англичан), оставил на ночь портфель со всеми документами в бюро друга, куда ночью проник Пьер Николь, сын руководителя швейцарских коммунистов Леона Николя, сфотографировал эти материалы, и они впоследствии попали в Москву.

Вероятная зацепка британских разведчиков за приговоры в Москве наталкивает на мысль, что «комбинаторы» из Лондона взяли за отправную точку операции судебные решения Москвы. «Сиси» и «Люци», раз уж утверждают русские, агенты Лондона, тогда и сама операция приобретает признаки достоверности. Затем уже дело техники — подыскать журналистов, которые и расскажут о «величайшей загадке Второй мировой войны».

После такого отступления, своего рода контрверсии английской, вернемся к заметкам швейцарского журналиста и рассмотрим, как британские разведчики претворяли свою версию на практике. Впрочем, при детальном изучении событий в английской интерпретации возникают нестыковки. Вопрос: когда, в какой момент «Люци» обратился к «советским» с предложением своей помощи в борьбе против нацизма? «Пакбо» в своих мемуарах («Секретная война в Швейцарии») ссылается на встречу с «Дорой»: «Прекрасным утром в мае 1941 года на скамейке набережной Уши в Лозанне он прямо спросил меня: Фамилия Рудольфа Рёсслера что-нибудь говорит тебе? — Нет,

абсолютно ничего. А в чем дело? — Я получил от него новости, самые невероятные за всю мою карьеру по вопросу о подготовке войны против России. Видимо, он располагает связями в высоких военных сферах в Берлине. Тем не менее, я знаю очень мало о нем, и он категорически отказывается сообщать о своих источниках. Может быть, ты наведешь справки о нем? — Постараюсь».

«Дора», доказывают английские журналисты Рид и Фишер, посылал в Москву сообщения «Люци» до начала вторжения немцев: «17.06.1941. Директору. Около 100 дивизий размещены на германо-советской границе. Одна треть из них — моторизована. Из остальных — по меньшей мере 10 дивизий бронированные. В Румынии германские войска сконцентрированы в Галаце. Элитные дивизии со специальной миссией отмотобилизованы. 5-я и 10-я дивизии, размещенные в генерал-губернаторстве (в Польше), принимают в этом участие. Дора». Через пару дней «Люци» сообщает точную дату нападения немцев — 22 июня. «Дора» передает информацию «Люци» о первоначальных целях различных армейских групп. Правда, он сопровождает эти данные своим комментарием, он придерживается точки зрения Сталина, что все подобные сигналы — это «война нервов», возможно, английская дезинформация. Соглашаясь с Москвой, он не верил, что немцы твердо решили вторгнуться в Россию. Сообщения «Люци» перед войной, после долгих колебаний, он все же послал в Москву.

Российский историк, бывший сотрудник внешней разведки, Арсен Мартиросян так объясняет, почему Сталин ставил под сомнение донесения советских разведчиков о сроках нападения на Советский Союз. О том, что Гитлер нападет на СССР, в Москве предполагали еще в 1939 году, но не было документального подтверждения даты нападения. Как свидетельствует Мартиросян, в Москву поступило полтора десятка сообщений о дате нападения, с 11 по 21 июня 47 раз называли дату нападения — 22 июня. Ссылки на то, что ситуация на Балканах задержала вторжение гитлеровских войск, — это незнание плана нападения. Германия была готова к нападению 15 мая 1941 года.

О военных планах Красной армии немцы узнавали, как говорит Арсен Мартиросян, по утечкам из Москвы. Считается, что в высших кругах руководства СССР были немецкие агенты (об одном, в частности, говорит в своих мемуарах Гелен), другой — генерал, имя которого до сих пор не раскрыто. Утеч-

ка особой важности стратегической информации из Москвы шла в двух направлениях. Это — агент британской разведки, который был в секретариате члена Политбюро Микояна, он владел всей мобилизационной информацией. Именно от англичан, указывает Мартиросян, пошла информация в сторону немцев, что Советы планируют через южную Польшу ударить по Германии, а впоследствии — по Балканам. Это суть того самого немедленного встречного контрудара по факту нападения, что планировали Мерецков и Жуков.

С утечкой приходится «грешить» на югославскую сторону. Но югославы не вели против нас очень серьезную разведку, но их военный атташе что-то узнавал, а узнавал он только от Мерецкова, потому что Мерецков, будучи тогда начальником генерального штаба, по указанию советского правительства глубокой осенью 1940 года контактировал с югославами по различным вопросам. Об этом свидетельствует непосредственно Судоплатов. Так вот, впоследствии, когда Гитлер уже делал заявление 22 июня 1941 года, он четко сослался на доклад югославского военного атташе от 17 декабря 1940 года, в котором все параметры нашего плана были изложены, то есть утечка была, заключает Мартиросян. Видимо, не случайно Мерецков оказался за решеткой, почему, собственно говоря, до сих пор не раскрывается его дело.

Значит, возвращаясь к дате контакта с «Люци», по английским источникам и мемуарам «Пакбо», «Дора» до начала войны уже получал информацию от «Люци». Но, по другим источникам (в частности, от Марка Пайота, бывшего сотрудника швейцарской службы контрразведки), этот контакт установлен весной 1942 года. «Очень сомнительно, — пишет он в комментариях к мемуарам “Пакбо”, — что этот контакт мог быть установлен до вторжения в СССР (июнь 1941 года), напротив, есть все серьезные основания полагать, что линия начала действовать лишь весной 1942 года». Об этом же говорят и советские источники. Александр Колпакиди в книге «ГРУ в Великой Отечественной войне» сообщает, что летом 1942 года «Люци» вышел на контакт со Шнайдером, а в октябре выразил желание регулярно снабжать советскую разведку интересующими ее материалами.

Нестыковочка, как говорится, у англичан... Кто же прав? Ответ могли бы дать запечатанные наглухо архивы союзников во Второй мировой войне.

Но вернемся к английской версии, излагаемой Ридом и Фишером. События развивались, можно сказать, по классическому сценарию, англичане искали и нашли способ установить контакт с «Люци». Тот (опять же по английской версии) дает объявление в газеты, что нуждается в помощнике по издательству «Вита Нова». Изучив предложения, «Люци» выбирает почему-то Шнайдера из неудобной Женевы (переводчик в МОТ, работал дома). (По французской версии, — об этом ниже — Шнайдер был знаком с Рёсслером еще с 1939 года, когда в общественных дискуссиях Шнайдер выступал против Рёсслера, обвинявшего Москву в предательстве из-за германо-советского пакта о ненападении.) Будущий связник под псевдонимом «Тейлор» начинает разъезжать между Женевой и Люцерном. «Люци» сообщил ему, что получает информацию от друзей в Германии. Тогда-то Шнайдер якобы и предложил передавать получаемое советской разведке, и «Люци» согласился.

Так замкнулся круг, и «Дора» получил еще одну головную боль, как проверять правильность сведений из неконтролируемого информационного источника. Это, по английской версии, произошло не ранее мая 1941 года. Так англичане предположительно получили конкретное подтверждение о существовании группы «Дора» и могли теоретически организовать работу по дальнейшей подставе «Люци» «Красной тройке». Видимо, где-то по срокам может совпадать, тогда же «Сиси», наверное, уже якобы агент СИС, прибежала к нему, задыхаясь: «Такой источник, такой источник...»

Но... есть одно «но». «Люци» наотрез отказывается, чтобы «советские» знали, кто он и от кого получает информацию. В противном случае угрожает разорвать все отношения. Связь только через Шнайдера (то есть через «Тейлора»), которому он полностью доверяет. Странная, на первый взгляд, постановка вопроса, если уж ты пошел на контакт с иностранной разведкой, логично рассказать о себе, своих антифашистских взглядах, чтобы у получателя информации не оставалось никаких сомнений. Ведь даже «Тейлор» и «Сиси» ничего не говорили о «Люци» своему непосредственному начальнику «Доре», ссылаясь на запрет таинственного агента. Поэтому-то «Доре» и пришлось задействовать «Пакбо», чтобы узнать, кто же он, этот «Люци». Кроме того, сообщают английские журналисты Рид и Фишер, Москва якобы, чтобы проверить возможности «Люци», запросила, какие советские войска находятся на определенном участ-

ке советско-германского фронта. «Люци» сразу же передал информацию с указанием номеров всех частей Красной армии на запрашиваемом участке. «Пакбо» в своих мемуарах сообщает, что весной 1942 года «Люци» передал подробный план кампании вермахта на 1942 год.

Центр постоянно, даже и осенью 1943 года, напоминает Женеве, что надо точно установить источники «Люци», ведь он передавал важнейшую информацию, а Центр не мог оценить, верна ли она. (Рид и Фишер заявляют, что Центр по-прежнему требует «несколько раз раскрыть и информировать их не только об источниках “Люци”, но также и о личности самого “Люци”».)

Видимо, тяжело вздохнув, скрепя сердце, «Дора» отвечает на эти запросы: «27.09.1943. На Ваши номера 157 и 158. ... Я сам верю, что можно было бы получить гораздо больше от группы “Люци”. Тем не менее, как вы знаете, у меня нет прямого контакта с этой группой, а со стороны “Сиси” и ее мужа я встречаю сопротивление, которое я не понимаю, каждый раз, когда я пытаюсь активизировать группу... При каждой критике “Сиси” раздражается и заявляет, что “Тейлор” и “Люци” также рассматривают эту критику как раздражение и что если она примет критику, они оба прекратят работать. По вашему совету я написал дружеское письмо “Люци”, но “Сиси” заявила, что “Тейлор” не передаст его, потому что “Люци” уже делает все возможное, что он может. Возможно, что “Сиси” считает это письмо как мою попытку установить контакт с группой “Люци”, которую она и ее муж хотели бы предотвратить, по причинам, которые я не понимаю». (Об этом всем рассказывают английские журналисты Рид и Фишер, видимо, получившие доступ к британским архивам, в которых, очевидно, хранятся донесения «Доры», захваченные швейцарскими контрразведчиками во время разгрома группы «Доры». Возможно, Лондон получил их через «бюро Ха», с которым контактировали английские разведчики.)

Презрев все правила и табу разведывательной практики, Центр в Москве согласился на «анонима». Можно было начинать работу с «Люци», имея в виду, что когда-нибудь может возникнуть дезинформационный провал.

Английские журналисты рассказывают, как развивалась в дальнейшем английская версия «Люци». Англичане якобы добились своего, они полностью закрыли источники люцернца. Для этого пригодился чех Карел Седлачек. Разведчик обосновался в Цюрихе под именем чешского журналиста Томаса Сел-